

Кангауз

Валерий Горбань

- Горбань Валерий

Горбань Валерий

Кангауз

Валерий Горбань

Кангауз

Ах, Кангауз, Кангауз!

Правда это, или нет, но поговаривают, что в переводе то ли с удэгейского, то ли с китайского вполне справедливо звучит твое имя, как Солнечная Долина.

Ах, Кангауз! Рубленные избушки и палаточный городок биологической станции Дальневосточного госуниверситета. Больше сотни студентов и студенток, собирающих гербарии, гоняющихся с сачками за редкими махаонами и Аполлонами .

О, Кангауз! Радостные концерты птиц, благоухающие поляны фантастически крупной земляники, шkodные руки парней, ловко забрасывающие сочные бордовые ягоды туда, где дамы всего мира и всех времен прячут любовные записочки от не-скромных глаз. Песни под гитару у костра, гостеприимные душистые стога июльского сена, освещаемые мириадами светлячков...

Кипучее, юное веселье, шутки и розыгрыши на каждом шагу.

Даже угрюмый и начисто лишенный юмора водитель Вася умел находить в Кангаузе жертву, которую отправлял за "компрессией" для старенького ЗИЛка, из года в год повторяя древнюю шоферскую шутку. А что говорить об остальных!

И передаются из уст в уста, и рождаются на глазах новые истории и легенды. И неважно, сколько в них правды, а сколько - веселой студенческой фантазии. Ибо любимы их герои, любим наш славный биофак, и славно рассказывается у костра теплой июльской ночью хмельным от молодости и любви друзьям...

ПИНГВИНЫ

В центре дальневосточной тайги, за тысячи километров от антарктических льдов, забившись от полуденной жары под навес летней столовой, два второкурсника старательно снимали шкурки с пингвинов.

Пингвины были жирные, пингвины были здоровенные.

Они воняли рыбой и норовили выскользнуть из рук.

Осатаневшие мухи атаковали пингвиньи тушки. Вконец обнаглевшие оводы и слепни - второкурсников.

Но прочные души отчаянных полевиков были преисполнены чувством долга, осознанием своей избранности и раскрывающихся светлых перспектив.

Именно им поручил отпрепарировать шкурки для будущих

экспонатов универси-тетского зоологического музея добрейший, застенчивый, безумно увлеченный орнито-логией Юрий Николаевич Казаров. Именно их имена будут красоваться на табличках под чучелами: "изготовил такой-то". И именно у них есть все шансы досрочно получить зачет по орнитологической практике у вьедливого и принципиального, несмотря на всю его душевность, Казарова.

- О! А откуда пингвины? - лопоухий загорелый первокурсник резко затормозил босыми пятками на пыльной площадке.

- Ты при Казарове такое не спроси, будешь до пятого курса зачет сдавать!

- А что я такого спросил? Будто здесь пингвины водятся!

- Слышь, Славка, он что: прикидывается, или в самом деле не знает? небрежно спросил один второкурсник другого.

- Да, может, они еще не в курсе, всего неделю тут, - лениво отозвался Славка.

- Да о чем вы?

- Вас что не предупреждали про усадьбу дикого барина?

- Какого барина?

- Да здесь до революции один дворянин жил, то ли ученый, то ли моряк. Смоль-ный ручей знаешь?

- Ну!

- Лапти гну! У него усадьба в верховьях Смольного была. А он из какого-то путе-шествия привез пингвинов и все состояние врюхал, чтобы их содержать. Даже добил-ся, чтобы размножались. Вот местные его диким барином и прозвали.

- Он что, действительно чокнутый был?

- Может и чокнутый. А может, вроде Казарова нашего. Тот ведь тоже всю зар-плату на свою коллекцию тратит.

Первокурсник согласно покивал головой. Все знали, что Юрий Николаевич в своей тесной квартирке содержал уникальную, мировой известности коллекцию птичьих гнезд и яиц.

- А куда барин потом делся?

- Кто его знает! Может эмигрировал, может красные расстреляли. А пингвины одичали, держатся здесь, как эндемики. Обычно первый курс сразу предупреждают, чтоб туда не лазили, шугать их нельзя, перестают размножаться Два-три раза в год учитывают, ну иногда вот для контрольных исследований отлавливают. Мы вчера це-лый день по жаре за ними скакали, умотались.

- Задолбали эти пингвины! - Славка злобно толкнул очередную необработанную тушку, - сейчас прочухаемся без жратвы и отдыха с этими, а вечером опять на отлов. Казаров

велел еще трех добыть.

Глаза первокурсника осветились надеждой:

- Мужики, а давайте я вам помогу!

- Да мы и сами управимся...Разве вот... Слышь, а ты язык за зубами держать умеешь?

- Могила!

- Тогда так: бери с собой еще человека четыре, тихо, без шума, собираетесь и - на Смольный. Там увидите - старые вольеры углом стоят. Заходите из лесу и в угол этих жирнюков загоняйте. Ровно трех! Нам притарабаните и ни гу-гу. А то Казаров и нам головы поотрывает и вам достанется. А мы с этими закончим и вас во-он в той па-латкеждеждемся, хоть отдохнем по-человечески.

Через двадцать минут пятерка первокурсников, одни парни ("баб не брать, они все трепливые!"), конспиративно помахав старшим товарищам большим крапивным мешком для добычи, рванула в лес.

Второкурсники посмотрели на часы.

До верховьев Смольного шлепать километров семь. Не по асфальту.

Хватит времени закончить работу и подготовить участникам охоты на пингвинов торжественную встречу. Всем лагерем. Под звуки самодетельного оркестра.

И с обязательным участием дорогих гостей - двух аспирантов, недавних выпуск-ников родного биофака. Аспиранты только вчера вернулись из антарктической экспе-диции и были безумно рады поводу прикатить в Кангауз.

Ведь надо же было куда-то девать десять замороженных пингвинов, привезен-ных ими Казарову в подарок...

ГНЕЗДО

- Что делать-то будем? А, Юрка? - Вовка, по прозвищу Дерсу Узала с надеждой смотрел на приятеля.

Юрка думал.

Как быстро подкрался час расплаты! Проклятая орнитология, наука для ненор-мальных! Только-только, часу так в четвертом утра, оторвешься от гитары и от симпа-тичной девчонки с колдовскими глазами - и пожалуйста: в пять - подъем!

А потом, как идиот, тащишься, постукивая зубами, по росе, слушаешь этих под-лых пернатых и натужно пытаешься определить их то по голосу, то по высунувшемуся из кустов хвосту.

Сначала, вроде, приспособились. Выходишь с группой, засветишься перед Каза-ровым: сумничаешь пару раз, вопросик задашь, а потом, потихоньку, отстал - и под кустик, баиньки.

Но зачет!... Тут не спишешь. Ткнул тебе пальцем в пичугу или, того хуже, дадут послушать ее трели - и будь добр: "Назовите вид, особенности биологии..."

- Придумал!

- Ну, и?

- Ты же слабость Казарова знаешь?

- Гнезда-яйца, что ли?

- Точно. Найдем ему классное гнездо, поставит зачет, как миленький.

- Ну ты гонишь! Да он тут практику лет десять проводит, все виды знает, уже все образцы собирал. Да и нам, чтобы редкое гнездо найти, надо знать, где искать и что искать. Мы же - ни бум-бум. Притащим воробыное, он нам тогда устроит зачет!

- Да-а-а.

Снова дума думается.

- Слышь, а давай сами смастерим. Где-нибудь в лесу. Черта с два он догадает-ся. Пусть потом всю жизнь принадлежность гнезда определяет и птицу эту ищет.

- Юрка, ты гений!

Три оставшихся дня пролетели, как летний звездный дождь.

Все эти дни приятели по тридцатиградусной жаре таскались на голубую сопку Хуалазу, известную голубыми же реликтовыми тараканами, дикими зарослями колючек и полчищами лютых энцефалитных клещей. Трое суток, как хозяйственные сороки, собирали веточки, травинки, оброненный птичий пух и различные перышки.

Наконец, гнездо было готово. Шедевр студенческой мысли украсили две скор-лупки от подвернувшегося в последнюю минуту яйца какой-то птахи. Разместилось со-оружение чуть ли не на вершине Хуалазы, в развилке старого манчжурского ореха.

Казаров, заинтригованный сообщением студентов о находке какого-то интерес-ного гнезда, бросил все дела и немедленно отправился за юными любителями орнито-логии, излучавшими учебное рвение и радость за любимого педагога.

Через час утомительного пути экспедиция добралась до заветной цели.

Юрий Николаевич внимательно осмотрел находку, как-то странно всхлипнул, присел на пенек возле гнезда и влюбленными глазами посмотрел на студентов:

- Ребята, если вы сумеете сюда еще и яйца отложить, я вам экзамен по зоологии "автоматом" поставлю...

СПИРТОНОША

Димка, крадучись, двинулся в сторону палаток.

В завершающую стадию вступала ответственная и весьма

рисковая операция.

Вчера вечером ребята успешно прикрыли его на вечерней перекличке. Стара-лись не для него, для себя. И Димка не подкачал. Крутнувшись на электричке туда-сюда, добыл десятилитровую канистру пива. Настоящего, разливного, свежего пива!

Не улыбайся, читатель из далекого девяносто девятого.

В семидесятых, во Владивостоке, раздобыть свежее пиво! Ночью! Это тема для отдельного рассказа. Или детектива.

С раннего утра канистра хранилась в ледяном родничке, специально разыскан-ном в дремучих зарослях Хуалазы. И все участники предстоящего праздника едва до-ждались пятнадцати часов: времени, когда заканчиваются обязательные занятия и на-чинается свободный поиск образцов для коллекций в сочетании со всеобщим дурака-валянием.

До родной палатки оставалось шагов пять.

- Так, молодой человек, ну-ка подойдите! - глубокое контральто, переходящее в бас, могло принадлежать только Зинаиде Николаевне Мамовой руководителю прак-тики первого курса.

Человек необъятного тела и столь же необъятной души, она успешно совмеща-ла роли известного ученого, прекрасного педагога и всеобщей заботливой мамы, бдительно пресекающей все неблагоприятные поползновения своих жизнерадостных по-допечных.

- Это что у вас?

- Э-э-э...

- Бе-е-е, - передразнила Мамова, - открывайте!

Тяжкий вздох, клцание алюминиевой крышки.

- Так... пиво! И куда вам столько?

- Пить. Жарко очень.

- А кто вас посылал? Кто еще в компании?

- Никто. Я сам.

- Вы меня не сердите! Сам! Да оно у вас через день по такой жаре прокисло бы.

- Не. Я бы выпил...

Мамова собралась осерчать. Но тут ее настигло педагогическое озарение:

- Вот так, да?! Ну хорошо.

Шестнадцать часов.

Два курса, больше ста человек, стоят в каре под солнцем на центральной пло-щадке лагеря.

В середине - группка преподавателей и виновник неурочного сбора.

У ног "залетчика" - запотевшая канистра.

- Вот посмотрите на этого человека. Мало того, что, как китайский спиртоноша- контрабандист, воровским образом притащил в лагерь спиртное, он еще имеет на-хальство утверждать, что организовал это дело один. Дмитрий, я вас в последний раз спрашиваю: кто еще собирался пить пиво?

- Я один.

- Ну что ж, пейте. А мы посмотрим. И когда все убедятся в вашей бессовестной лжи, мы вас с позором изгоним с практики.

Долгая пауза...

- Кружку можно?

- Что?

- А как пить-то?

- Ну-ну... Принесите ему кружку.

Семнадцать часов.

Каре уже не стоит. Сидит на пыльной затоптанной травке. Многие разделись, прикрыли головы платочками. Солнце шпарит, будто и не собирается на ночлег. Все изнывают от жажды.

В центре площадки Димка, не торопясь, пьет до сих пор еще прохладное пиво.

Сколько осталось в канистре, не видно. Знатоки держат пари. В рядах шепот:

- Двадцать две кружки по двести пятьдесят грамм - сколько будет?

- Пять пятьсот...

- А ты говоришь - меньше половины!

- В туалет можно?

- Что? - вопрос застигнул Мамову врасплох.

- В туалет. Это же пиво...

- Хм. Ну, идите...

Семнадцать тридцать.

Димка, как опытный марафонец, не частит, он свой темп выдерживает четко.

Не выдерживает заместитель Мамовой:

- Зинаида Николаевна, давайте всех отпустим, а он пусть тут под вашим при-смотром рекорды ставит.

- Ладно, молодежь, пока идите, занимайтесь, мы вас попозже соберем, чтобы вы на результат посмотрели.

Народ, жадно глотавший слюну, сбегал попить. Через десять минут к месту каз-ни снова собрались все, без всякого зова.

Восемнадцать часов.

Тридцать кружек.

А ведь жарко...

- Зина...Зинаида... Зиниколаевна... у меня в палатке к-

кильки.

- Вы что городите, какие кильки?

- А я н-не с-собирался на пустой ж-желудок. Я с-собирался с к-кильками.

Мамова озадаченно- возмущенно смотрит на "спиртоношу":

- Ну вы, молодой человек, и нахал!

- Я н-не н-нахал. Я в-вам правду, а вы р-ругаетесь...

Вот тут-то и началось...

Народ рухнул. И даже те, кто сидел. В приступах сумасшедшего смеха, разря-дившего двухчасовую "педагогическую" процедуру, по полянке катались и студенты, и аспиранты, и преподаватели. Смех не знает табелей о рангах.

Мамова пыталась удержаться.

Но, через минуту и у нее - студентки -"шестидесятницы", выпускницы родного биофака, хватило сил только на то, чтобы сказать:

- Убирайся, паршивец, и не попадайся мне на глаза до конца практики!

Димка, единственный серьезный человек среди этой странной публики, пони-мающе покивал головой и неверной походкой поплелся к палаткам.

Пройдя с десятков метров, он вдруг остановился, повернулся к Мамовой и, задумчиво морща лоб, спросил:

- А пиво?

- Что, "пиво"?

- Там же осталось. Вы же сами говорили: прокиснет...

х х х

Ах Кангауз!

Сколько лет прошло!..

Но, видно, останешься ты навеки в сердце моем, на самом почетном месте, как то уникальное, единственное в мире гнездо, что до сих пор хранится во всемирно из-вестной коллекции одного доброго и веселого орнитолога .

Валерий Горбань. Чемодан

Хороший был чемодан у Ольги. Просто классный. Вместительный, на хитрых колеси-ках, позволяющих катить эту громадину и плашмя, и торцом, и как угодно. Вот если бы он еще прыгать умел!

Оля с трудом взгромоздила чемодан на площадку вагона. Отдышавшись, поднялась сама. Еще две схватки с узкими дверьми тамбура и купе и, наконец, победное заключение кожаного чудовища в темницу нижней полки. Пакет с необходимыми в пути причиндалами скромно примостился возле столика в уголке.

В открытое окно купе ворвался страдальческий голос:

- Я тебя еле нашла!

Ну, Лерка! Ведь договаривались на три часа ровно, чтобы успеть поболтать до отхода поезда. Правда, в этот раз она опоздала всего лишь на десять минут. Снег пойдет, навер-ное.

Глаза подруги уже блестели. Ее пылкая натура требовала настоящего прощания: со слезами, многократными лобызаниями и тому подобными штучками. И вовсе не важно, что через неделю она сама собирается в Москву, поступать в аспирантуру. И, естественно, ос-тановится у Ольги, которая уже готовилась к защите.

- Давай ко мне, в купе!

Лерка отрицательно замотала головой:

- Не! Или я из поезда выскочить не успею, или паровоз сломается.

- Тепловоз, чудо ты мое. Ладно, иду. Посматривай пока в окно, чтобы мои вещи не сперли.

Когда Ольга, изрядно растрепанная после сцены под названием : "Прощай навеки!", вернулась в вагон, на свободном нижнем месте уже сидел новый пассажир.

"Вот мы даем, про все на свете забыли. Можно было и поезд угнать, а не то, что ба-гаж утащить." Подозрительно глянув на попутчика, симпатичного мужчину лет тридцати, Ольга приподняла полку и сунула к чемодану свой пакет, предварительно заглянув в него, словно невзначай.

- Ну и что показало вскрытие? - весело поинтересовался мужчина.

Ольга, густо покраснев, отмолчалась. Наверняка этот юморист стал свидетелем их прощания с Валерией, вот и позволяет себе насмешечки.

- Правильно, осторожность в нашем пассажирском деле прежде всего! - не унимался тот. - Но, поскольку, под моим неусыпным наблюдением, все оказалось на месте, можно начинать знакомиться. Алексей.

- А я теперь тоже обязана представиться? - решила сдержить Ольга.

- Нет, конечно, не обязаны. Да, в принципе и необходимости такой нет. Ах, Оленька, Оленька!

Алексей до того точно скопировал Леркины интонации, и такие веселые чертенята брызнули у него из глаз, что собравшаяся было окончательно разозлиться попутчица не выдержала и рассмеялась.

- Как вам не стыдно подслушивать?

- Я же охранял ваше имущество. А на посту много что

запрещается, но слушать и подслушивать можно. И даже нужно, потому, что службу надо нести бдительно!

- Вы военный?

- Почти. А вы студентка, с каникул едете?

- Почти.

- Вот и познакомились.

К теме профессий больше не возвращались, но разговор пошел настолько непринужденно, будто они с Алексеем были знакомы с детства. Он много путешествовал, объездил чуть не весь бывший Союз. О тех местах, где побывал, о городах, природе, интересных обычаях, рассказывал так, что хотелось немедленно пересечь на поезд, идущий в Алма-Ату, Сумгаит, Ферганскую долину и даже в Чечню.

- Ой, да ведь чеченцы такие злые!

- Они разные. Ладно, это сложная тема... А вы знаете, какие осетры водятся в Тере-ке?! Обалдеть! Я-то думал раньше, что они только в спокойных реках живут, таких, как Вол-га.

Оля, неожиданно для себя самой, тоже разговорилась. О том, как в детстве любила проводить лето у бабушки в деревне. Как безумно любящие внучку старики позволяли ей делать что угодно: носиться с деревенскими мальчишками, отправляться в походы в лес и на речку. И как однажды, когда она потянулась к земляничине, ее за руку тянула гадюка. Вот здесь. И Ольга с гордостью показала маленький шрам на кисти.

- Надрез делали?

- Ага, мальчишки, перочинным ножиком. Заставили меня отвернуться и вжик! Они же и яд высасывали.

- Опасная самостоятельность: можно было к яду еще и инфекцию занести.

- Наверное. В больнице столько уколов сразу накололи!

- Сыворотка и блокада антибиотиками. К счастью, руку вам эта история не испортила. Кисть очень красивая.

- Ага, начались комплименты!

- Нет, это просто объективные результаты осмотра.

В купе они так и остались вдвоем. Разговору никто не мешал. И до чего же с ним бы-ло легко! Оля только один раз напряглась, когда Алексей поставил на стол бутылку домаш-него вина и предложил отметить знакомство.

Уловив ее сомнения, он весело прокомментировал:

- Во-первых, я не "такой". Во-вторых, вы не "такая". В-третьих, домашнее вино бьет в ноги, но не отключает голову, а клофеллином и прочими гипотензивными препаратами я в дорогу не запасся. В-четвертых, вашему вниманию представляется мощнейшая закуска, - и он потянул с верхней полки объемистый

пакет, - бабушка снаряжала. Она думает, что без ее продукции мы с мамулей умрем с голоду. У меня еще целый чемоданище с ее произве-дениями. А это все надо съесть, одна надежда - на попутчиков.

Когда укладывались спать, Алексей без всяких просьб удалился и стоял в коридоре, пока переодевшаяся и завернувшаяся в простынь Ольга не высунула голову из купе:

- Я - все!

Его ровная доброжелательность почти погасила все ее тревоги. Но если честно, все же, на донышке души оставалось маленькое такое, но очень беспокойное сомненьице. А потому, пока Алексей укладывался, она отвернулась к стене, и, чтобы исключить всякие по-пытки продолжить знакомство в более тесном варианте, старательно засопела.

Насмешливый голос из полумрака произнес:

- Судя по чистым кожным покровам, скоординированным движениям, адекватным по-веденческим реакциям и ряду других признаков, вы абсолютно здоровы. А здоровый чело-век дышит во сне совсем по-другому... Минут через десять вы услышите - как.

И действительно, через несколько минут веселый перестук колес практически погло-тил его ровное, мягкое, почти неслышное дыхание.

А Ольга, снова посмеявшись про себя и позлившись на свою подозрительность хро-нической горожанки, решила немножко помечтать. Она любила иногда, лежа в полудреме, пофантазировать на тему красивого романа с понравившимся ей мужчиной. Как он нежен и ласков! Смотрит на нее блестящими глазами и готов ради нее на любые сумасбродства. Вот они стоят на скалистом берегу Терека, над стремительно несущимися потоками воды. И кружится голова. И нахлынувшее желание таким же бурным потоком вливается в ее кровь. И... черт побери! Он тут дрыхнет, как сурок, а я, словно дура, в четыре утра еще кувыркаюсь на этой полке, аж простыни в жгут завернулись. Ничего себе, домечталась! Не хватало еще наброситься на мирно спящего мужика...

Уснуть удалось только часу в шестом. А в семь проводница объявила общий подъем. Подъезжали к Москве.

Сережка, старший брат, метеором влетев в купе, вытурил ее в коридор:

- Давай шустри на выход, меня мужики на рыбалку ждут. Где чемодан?

- Под нижней полкой.

- Ого, нагроузила... Давай, вперед!

Возле купе проводников Ольга остановилась. Алексей минут

пять назад пошел к проводнице забрать билеты и там застрял. Из-за закрытой двери слышался его голос:

- Да, мне нужны все квитанции.

- Ну, ты что? - Серега нетерпеливо подтолкнул ее чемоданом пониже спины.

"Действительно. Что это я? Кто мы друг другу, чтобы прощаться?" Но, на выходе она все же повернулась еще раз. "Ах Оленька, Оленька... Ты всего лишь попутчица. И мечта-тельная дура. Вот и все!"

х х х

- Ну ты даешь, дочка!

- Ой, мам, ну кто мог подумать! Чемодан Серега вытаскивал. А я в коридоре стояла. Откуда я знала, что у него точно такой же? Как специально!

- И где его теперь искать?

- А я откуда знаю? - Ольга растерянно стояла над распахнутой кожаной пастью. Чу-жие яблоки, занявшие полчемодана, издевательски сияли румяными мордашками. А банки с компотами, обернутые в мужские трусы, вгоняли в краску и наводили на мысль о том, ка-кие интересные открытия ждут Алексея.

х х х

Милиционер жевал.

Ольга терпеливо стояла.

Прожевав, дежурный смел крошки со стола на пол и приблизив щекастую физиономию к окошечку, ядовито спросил:

- Ну и что я должен? Арестовать всех Алексеев в Москве? Или тебя, вместе с брат-цем. Чемодан-то вы уперли.

- Вам виднее, что делать, вы милиция,- Ольга крепилась изо всех сил, чтобы не раз-реваться от злости и унижения. "Так, тебе, дуре, и надо!"

- Это дело не наше. Мы такой ерундой не занимаемся, ищите сами... Сами ищите, я сказал! - дежурный возвысил голос, и Ольга захлопнула уже было открывшийся для язвительной реплики рот.

Резко развернувшись и наклонив голову, чтобы спрятать брызнувшие слезы, она по-бежала к выходу, подальше от этого наглеца. И с разбегу врзалась в крепкого чернявого парня.

- Посвятельство на жизнь сотрудника милиции, - подняв Ольгу с пола и отряхивая ее плащ, вдумчиво проговорил чернявый, - до пожизненного лишения свободы включительно.

- Вас самих сажать надо за такое отношение к людям, - вырываясь, зло парировала "террористка".

- Ага: девушка беседовала с Варчуком... Жевал?

- Жевал!
- Мы его накажем.
- Руки короткие, - зло окрысился услышавший дежурный.
- Это как посмотреть. Розыск и не таких в чувство приводил.

Варчук запыхтел, покраснел, но на этот раз промолчал. Видно, всерьез связываться с чернявым не хотелось.

- Ну, утри слезки, не разбивай мое чувствительное сердце, плачущая красавица. По-шли.

- Куда?

- Судя по вашему тону, сударыня, о сексе не может быть и речи. Поэтому, пойдем за-ниматься вашими проблемами.

- В принципе, Варчук прав: мы такими делами не занимаемся. Но отказать такой де-вушке - жуткий грех! К мужскому отделению рая с этим позором близко не подпустят. Надо помогать. Ну, а что мы имеем? Алексей. Рост - чуть выше среднего. Около тридцати. Сим-патичный. Волосы русые. Глаза серые. Особые приметы: маму называет мамулей. Да, не-густо. Придется забросить все убийства, грабежи и прочие мелкие дела, не связанные с чемоданами... А знаешь что, давай попьем чайку. И попробуем восстановить твой разговор с Алексеем. Вообще-то, меня зовут Игорь. Строгий натурал. Но сейчас, так и быть, я стану Ольгой. А ты постарайся говорить его словами...

Чаепитие закончилось глубоко за полночь. И, несмотря на все возражения, Игорь про-водил ее домой:

- Еще не хватало, чтобы ты пропала без вести. Кому тогда отдавать найденный чемо-дан?

- Его еще найти надо.

- Да уж как-нибудь. Ну ладно, до свидания. Нет, нет, никаких поцелуев, и не надейся!

- Вы с ума сошли! Кто вас целовать собирался? Вот услышат соседи, что подумают?!

- А что, в вашем доме не целуют красивых девушек?

- Спокойной ночи, сыщик, берегите энергию!

Игорь позвонил в четыре, точнее...

- Обратите внимание, сударыня: шестнадцать ноль три. То есть, розыск осуществлен по горячим следам, меньше чем в течение суток с момента вашего обращения.

- Вы серьезно?

- Оленька! Более серьезной организации, чем уголовный розыск, в Москве нет и нико-гда не будет.

- Игорь, обалдеть! Но как?

- "Что показало вскрытие", "блокада" антибиотиками, "результаты осмотра", "кожные покровы... поведенческие реакции". Клофеллин. А слово, которое ты забыла - ги-по-тен-зив-

ны-е. Во, как! Ну, врубаешься?...

- Врач!

- Ваш интеллект не безнадёжен, сударыня.

- А ваш интеллект достался невоспитанному типу, господин капитан.

- Ого! Мне прерваться, продерзостная, или будем благоговейно внимать?

- Благоговейно внимаю.

- Дальше: Фергана, Сумгаит, Алма-Ата, Грозный, это же все - "горячие точки", плюс "почти военный"...

- Военный врач!

- Военный врач не сказал бы "почти". Скорей - ФСБ, МВД или МЧС. И всего-то оста-валось - пустяк: обзвонить полсотни учреждений, смотаться туда, где клюнуло и выяснить про него все, что можно и нельзя. Получите результат: Семенов Алексей Николаевич (фа-милія какая редкая!). Возраст тридцать два (тут ты почти угадала). Врач, хирург, подпол-ковник внутренней службы (ого, какой ранний!). В отпуске будет еще неделю. Но вчера уже появился в отделении, посетил всех своих больных. Извинялся, что с пустыми руками. Ска-зал, что обещанные яблоки будут позже... Пиши адрес и телефон.

- Игорь, ...а он женат?

- О, горе мне! Ревную, а потому дальнейшая информация платная.

- При первой же встрече расцелую.

- Нежно, в губки.

- Фигушки! В щечку.

- Ладно, продаю себе в убыток: разведен, жена не дождалась из очередной команди-ровки. Замужний персонал его обожает: эlegantен, благороден, не пристаёт. Холостячки - половина влюблены, остальные ненавидят.

- За что?

- А он нагло игнорирует их несомненные достоинства...

- Игорь, какой ты умница!

- Мой гений всегда к вашим услугам, сударыня. Руку и сердце не предлагаю: не пере-несу отказа. Тем более, что вы девушка серьезная, а я к размеренной семейной жизни не приспособлен.

х х х

Алексей, вместе с ее чемоданом, примчался через тридцать минут после звонка.

- А я сижу, пишу объявления во все газеты! Как вы меня нашли?

- Друг помог.

- Он что, ясновидящий?

- В уголовном розыске работает.

- А-а-а! Эти могут. Оля, у меня есть предложение...

- ?...

- Я все равно повезу свой чемодан домой на такси. Поедете ко мне в гости? Раз уж благодаря вам я сэкономил на объявлениях, то просто обязан раскрутиться на шампанское. И мамуля будет рада вас видеть. Я ей столько о вас рассказывал. Она еще посмеялась:

- Ты из-за чего так расстраиваешься, что чемодан потерял, или девушку?

- Ну и что вы ответили?

- Честно?

- Честно!

- Какой я дурак, что постеснялся попросить ее телефон! И какая удача, что она пере-путала чемоданы! Теперь мы оба будем искать друг друга...

х х х

Свадьба была в разгаре.

"Партии" жениха и невесты, перемешавшись, веселились от души. А вот Игорь не приехал. Его друг, сумрачный, небритый, с уставшим, осунувшимся лицом, передал от него громадный букет цветов. Практически синхронно с его появлением, позвонил и сам Игорь. И теперь в трубке, к которой с двух сторон прижались жених с невестой, звенел озорной го-лос:

- Ребятки, я вас от души поздравляю. Но приехать не могу. Я же в Оленьку влюблен-ный. Зарежу жениха столовым ножом. Потом явки с повинной писать, то, да се! Смотри, Алексей, береги ее. Если что, отобью мгновенно! Ну, не обижайтесь, ребята. Честное слово, серьезно, не могу. Но подарок за мной, его вручу лично. Тем более, что за Олей должок! Звоните, не забывайте!

- Вот так! - услышав гудки отбоя, засмеялась Ольга, - теперь ты не сможешь хва-статься, будто я тебе легко досталась. Вон за мной какие мужчины в очередь стоят!

- Смотри, будешь дразнить повелителя, закажу своим бывшим пациентам из Ферганы паранджу!

- Ну как жалко, что Игорь не смог! Неужели совсем никак нельзя было вырваться? Но вы-то у нас погостите? - обратилась Оля к "гонцу".

- Нет, спасибо. А Игорь в самом деле приехать не мог... Ладно, я вам скажу. Мы с ним полчаса назад в притоне на серьезную группу нарвались, и он ножом в живот получил. Его в наш госпиталь повезли. Сказал, что не ляжет на стол, пока с вами не поговорит. Ладно, я поехал. Мне еще в прокуратуре по применению оружия отписываться...

- О, Господи! - Ольга сжала руками виски, - И гостей еще полно... Алешенька, давай завтра с утра к нему съездим!

Алексей прижал ее к себе. Ласково и серьезно заглянул в глаза.

- Завтра с утра мы будем отсыпаться. А в госпиталь поедem немедленно. Сегодня смена в отделении надежная, сами должны справиться. Но не могу же я допустить, чтобы моего главного соперника оперировали без моего участия. Так что, еще посмотрим, кто кого первый резать будет!

- Конечно! Лешенька, ты молодец!

- Должен же я как -то отблагодарить его за свой чемодан.

- А за меня?

- Тут еще надо посмотреть, какая из тебя жена получится...

- Алешка, ты нахал!

Пока Игорь отходил от наркоза, они находились рядом. Окончательно придя в себя, сыщик первым делом спросил:

- Оленька, милая, я тебе доверяю: проверь-ка, он мне там ничего лишнего не отрезал? Чтобы полностью себя обезопасить. Я ему перед операцией поклялся, что люблю те-бя, как сестренку. Но он же мог и не поверить.

Ольга улыбувшись, погладила его по колючей щеке, - Алеша не такой. Но теперь я за тебя спокойна, хулиган. Жить ты явно будешь. А чтобы веселей было выздоравливать, получи свой должок, - и поцеловала его в сухие, растрескавшиеся губы.

х х х

Их новая квартира была довольно скромной. На европейский ремонт ни их зарплаты бюджетников, ни помощь близких раскошелиться не позволяли. Но все же...

"Боже мой! Ведь это моя спальня. МОЯ, ОТДЕЛЬНАЯ спальня. И я в ней хозяйка! А почему только в ней? Олька, - ты хозяйка дома, своего дома!"

Хотелось петь и танцевать, не дожидаясь новоселья.

- Ну что, хозяйка, ты готова к бою? - Алексей понимающе улыбался.

- Мы же "почти военные". Мы всегда готовы.

Главное переселение намечалось на завтра. Совместными усилиями многочисленной родни и друзей будут завезены мебель и вещи, будет такой хлопотный, но такой счастли-вый день.

- Ну, красавцы! Я с их чемоданами таскаюсь, а они тут стоят, обжимаются! - Игорь, отдуваясь, шлепнул в угол один на один их знаменитые чемоданы. И как только дотащил! Ну ладно, прощаю, дело святое! Я покати-л, а то меня Танюха ждет...

- Что, попался, наконец, вольный сыщик? - рассмеялась Ольга.

- А куда от вашей сестры денешься. К тому же, старость - не радость, пора уже к ко-му-то под бочок прибиваться. О, чуть не забыл! Вы свой рыдван от родителей не тащите. Мы с Танюхой вам кровать дарим, такую же, как у нас. Сексодром - класс! - и уже в дверях добавил, - А пока можно прямо на полу. Я бы не удержался...

- Брысь отсюда, бесстыдник! - звонко рассмеявшись, крикнула ему вслед Ольга.

Крепкие руки Алексея обняли ее сзади.

- Действительно, бесстыдник. На полу - это безобразие и антисанитария! Когда есть такие широкие, такие мягкие чемоданы...

- Доктор, а вы - извращенец! Хотя... почему бы и нет? Если они не будут против.

- Не будут. А мы их за это возьмем с собой в большое и интересное путешествие. Ведь теперь их можно путать сколько угодно...